

УДК 811.1/.8

А. А. Штеба

<https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Дипластия языковой категоризации смешанных эмоций

Для цитирования: Штеба А. А. Дипластия языковой категоризации смешанных эмоций // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 176–181. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-176-181

В статье рассматривается когнитивная сложность языковой категоризации эмоциональных переживаний на примере смешанных эмоций. С использованием понятия дипластии, представляющего собой сочетание противоположных по своей направленности стимулов, дестабилизирующих деятельность человека, показано, что экспликация смешанных эмоций соответствует парадигме сложности, ключевыми элементами которой являются целостность, противоречивость, нелинейность. Парадигма сложности предполагает наличие парадигмы простоты, которая являет собой языковую систему, обладающую предзаданными конвенциональными средствами выражения эмоций в языке и речи. Своей когнитивной сложностью смешанные эмоции приносят элемент нестабильности и, тем самым, расширяют потенции системы, преобразовывают ее и укрупняют. Смешанные эмоции, в рамках которых инвентаризируются несколько видов (моно-, амби-, поливалентные), состоят из осознанного, или когнитивного, и собственно эмоционального, непосредственно переживаемого, компонента. Последний определяется в соответствии с приемами выражения актуального членения предложения, когда внутри синтаксически линейно оформленной экспликации смешанной эмоции выделяются такие компоненты, как тема, переход ремы и рема, что соответствует понятию информативной значимости. При этом рема может дробиться на подремы, число которых потенциально безгранично. С учетом анализа фактического материала из художественной литературы и результатов опроса доказывается, что доминантой смешанных эмоций для говорящего выступает не один из ее компонентов, а целостное неопределенное (смешанное) эмоциональное переживание. При этом сравнительно более активное эмоциональное переживание формирует эмоциональную доминанту смешанной эмоции вне зависимости от того, располагается ли данная номинация в препозитивной или в постпозитивной части лексической экспликации смешанной эмоции.

Ключевые слова: дипластия эмоций, когнитивная сложность, смешанные эмоции, парадигма сложности, актуальное членение предложения, доминанта, энактивация, «слепое мышление», тема, рема, языковая категоризация.

A. A. Shtebea

Diplasty of language categorization of mixed emotions

The article deals with the cognitive complexity of language categorization of emotional experiences on the example of mixed emotions. Using the concept of diplasty, which is a combination of opposite stimuli that destabilize human activity, it is shown that the explication of mixed emotions corresponds to the paradigm of complexity, the key elements of which are integrity, inconsistency, and non-linearity. The complexity paradigm presupposes the existence of a simplicity paradigm, which is a language system that has predetermined conventional means of expressing emotions in language and speech. By their cognitive complexity, mixed emotions introduce an element of instability and thus expand the potency of the system, transform it, and enlarge it. Mixed emotions, in which several types are inventoried (mono-, ambi-, and polyvalent), consist of a conscious or cognitive component and an actual emotional component that is directly experienced. The latter is defined in accordance with the methods of expressing the actual division of the sentence, when such components as the theme, the transition of Rema and Rema are distinguished within a syntactically linear explication of a mixed emotion, which correspond to the concept of informative significance. In this case, the Rema can be divided into sub-remas, the number of which is potentially unlimited. Taking into account the analysis of factual material from fiction and the results of the survey, it is proved that the dominant of mixed emotions for the speaker is not one of its components, but a complete indeterminate (mixed) emotional experience. At the same time, a relatively more active emotional experience forms the emotional dominant of the mixed emotion, regardless of whether this nomination is located in the prepositive or postpositive part of the lexical explication of the mixed emotion.

Key words: emotion diplasty, cognitive complexity; mixed emotions; complexity paradigm; actual sentence division; dominant; enactivation; «blind thinking»; theme; rema, language categorization.

Судьба эмоций – это судьба человека
Ф. Гиренок

Проблема языковой категоризации действительности соотносится с актуальными и фундаментальными процессами развития общества. Появление новых связей между объектами объективной и субъективной действительности приводят к усложнению упорядоченных систем отражения и преломления окружающих человека процессов. Усложнение и упрочнение межсистемных связей объектов происходит в контексте давления на систему хаоса. Актуализация хаоса (т.е. превращение потенциальной системы в упорядоченное единство) приводит к приобретению прежней конвенциональной системы новых свойств и признаков, на которые система реагирует открытием новых слотов, заполняемых в зависимости от внешних и внутренних условий развития системы.

Дипластия (вслед за Б. Ф. Поршневым [Поршнев, 2007, с. 437]) представляет собой пример хаоса, когда на объект одновременно воздействует два разнонаправленных раздражителя, что нарушает «конвенциональную» модель поведения, реагирования на внешние раздражители. Принцип дипластии, выражающийся в бинарных сочетаниях, отражает специфику формального выражения и содержательного наполнения смешанных эмоций в аспекте их языковой категоризации.

Процесс преобразования системы (как языковой, так и неязыковой) соответствуют понятию сложности. В психологии когнитивная сложность предполагает сложность структур и процессов организационной деятельности человека, процесса познания, формирования образов восприятия. В соответствии с положением Ф. Варелы, человек как живой организм вдействуется (эактивируется) в окружающий его мир [Матурана, Варела, 2000, с. 102], что приводит к созданию и/или модуляциям, в том числе, семантическим и эмоционально-смысловым слова в тексте/контексте.

В социогуманитарных науках человек познающий давно рассматривается не как пациент, а активный агент, творящий свой мир [Князева, 2013, с. 85]. Согласно принципу ситуационности человек одновременно определяется ситуацией и определяет ее. Так, взаимодействие человека с окружающей действительностью можно рассматривать в аспекте безграничной сочетаемостной потенции. Тогда человек как знаковое образование контактирует с иными семиотическими еди-

ницами, что наделяет продукты данного взаимодействия новыми свойствами. Отмечается, что сознание имеет холистичную организацию, когда уровни эмоционального и рационального мышлений, логики и интуиции взаимосвязаны.

Основными принципами сложного считаются возможность объединения в целое и наличие противоречий. Последние диалектические характеристики обладают создающим воздействием: противоречия не разрушают, а создают целое, т.е. преобразуют имеющуюся систему или создают новую.

Языковая категоризация эмоций человеком имеет линейную структуру, тогда как языковая экспликация эмоций в речи нарушает линейную упорядоченную организацию сферы эмоционального в языке, преобразовывает, усложняет ее. Изначально, работы отечественных и зарубежных эмотиологов были направлены на попытку инвентаризации средств фиксации эмоций в языке. Одновременно с попытками систематизации средств номинации, экспликации и дескрипции эмоций появились положения о том, что эмоции дискурсивны, их категоризация характеризуется такими свойствами, как пластичность, объемность, противоречивость и пр. Одним из ярких примеров подобной нелинейности эмоций, дестабилизирующей систему их языковой категоризации, являются смешанные эмоции, несмотря на то, что смешанность суть одна из категориальных психологических особенностей эмоционального.

Французский философ Э. Морену [Morin, 2005, р. 10–14] выступает одним из создателей учения о сложности. Исследователь отмечает, что парадигма сложности не может существовать вне парадигмы простоты. Последняя включает разорванность и редукцию. Данная парадигма отвечает за упорядочивание мира и борьбу с хаосом. Цитируемый автор указывает, что простота или сведение безграничных потенций семиотических образований к общему целому не выражает реальности. В парадигме простоты функционирует слепое мышление (*l'intelligence aveugle*), которое разрушает единства и целостности, изолирует объекты от их окружения; подобное мышление лишено способности видеть связи между наблюдателем и наблюдаемым. Построение парадигмы сложности позволяет учитывать синергетические возможности системы, ее стремление к самоорганизации, в которой автономность, индивидуальность, сложность, неопределенность и противоре-

чивость становятся неотъемлемыми характеристиками любого объекта. Сложное мышление состоит из холизма (системности), макро-концептов (созвездия понятий) и отсутствии целостности как неданной и нереализованной потенции. Современному человеку при этом нужно осуществлять мыслительную деятельность в «драматических обстоятельствах» (по Э. Морену), в которых человек приговорен к неопределенной мысли, мышлению, пронизанному пустотами, отсутствию уверенности. Только при таких условиях мышление способно развиваться и развивать пользователя языка.

Поскольку центральным понятием сложного мышления выступает противоречие, далее будет проведен анализ смешанных эмоций и их языковой категоризации, так как феномен смешанных эмоций и неопределенной эмотивности в целом соответствуют принципам противоречивости, нелинейности восприятия и единства.

Механизм построения смешанных эмоций соответствуют принципам нелинейности. Как правило, при номинации эмоционального переживания, характеризуемого свойством смешанности, прямое обозначение понятия смешанные эмоции сопровождается экспликацией данного эмоционального кластера:

Х испытывает смешанные эмоции: эмоция1 + эмоция2(n)

В целом (понятие смешанная эмоция) могут объединяться как однооценочные, так и амби-, полиоценочные эмоциональные переживания, которые человек пытается эксплицировать недостаточными для коммуникативной ситуации языковыми конвенциональными средствами.

Столько в них было обнаженной и безнадежной муки, любви и тоски (Э. М. Ремарк).

В сердце юноши кипела ревность и бешеная ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой (О. Уайлд)

И поворот Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду).

Уже на рассвете, перевернув последнюю страницу, Рокфор осознал, что его глаза наполнены слезами зависти и восхищения (К. Сафон).

Последовавшая за этим мысль-образ была в высшей степени сложной, в ней сочетались радость, удовольствие, удовлетворение сделанным, облегчение, одобрение и, что чрезвычайно меня удивило, некоторый ужас (Дж. Уиндем).

Проблематичность языковой категоризации смешанных эмоций обусловлена тем, что данная

система обладает только внешней организованностью, тогда как на уровне содержания модуляции элементов описания мира эмоций являются безграничными. Когнитивная сложность выражения и описания смешанных эмоций заключается также в том, что данное сложное, зачастую, амби- или поливалентное эмоциональное переживание характеризуется осознанностью и переживаемостью. Выше было указано, что окружающая человека действительность нелинейна, хотя результат языкового отражения действительности имеет линейную структуру. Наблюдения за линейной синтаксической организацией язык-речевых средств выражения смешанных эмоций позволяют выдвинуть предположение о том, что часть смешанных эмоций относится к сфере когниции, а вторая часть – к сфере непосредственно переживаемых эмоций в данный момент времени.

Согласно теории актуального членения предложения, последнее обладает шкалой коммуникативного динамизма (по Я. Фирбасу). Данная шкала включает в себя элемент с низкой коммуникативной значимостью (тему), переход, остаток перехода, остаток ремы и непосредственно рему. Рассмотрим следующий пример:

Разумеется, воздух, что же еще! – сказал он, смешивая жалость с презрением (Э. М. Ремарк).

Постпозитивный элемент данного примера является собой, в широком смысле, рему приведенного примера. Однако сам по себе данный рематический блок может быть разделен на подблоки, состоящие из темы («*смешивая*»), перехода темы («*жалость*») и ремы («*презрение*»). Несмотря на то, то информативная важность членов предложения может быть различной даже при восприятии одного и того же члена предложения разными адресатами [Крылова 2018, с. 16], к основным приемам выражения данной информативной значимости относят порядок слов, интонацию и лексикоморфологические средства. По причине того, что предложения разворачиваются линейно по принципу от общего к частному, первый элемент средства выражения смешанных эмоций должен рассматриваться как тема, второй – как переход темы, т.е. на данном этапе говорящий понимает, что переживаемое им эмоциональное состояние характеризует комплексность, многокомпонентность и несоотнесенность с привычными средствами экспликации эмоций. Соответственно адресант выбирает рационализированный способ описания эмоционального переживания/отношения/состояния. Однако на этапе перехода темы в линейную форму выражения эмоции

добавляется собственно эмоциональный компонент, который и является «передатчиком» и актуализатором хаоса в системе язык-речевой категоризации эмоциональной действительности. Результатом экспликации смешанных эмоций становится создание нового противоречивого целого, в котором один из элементов относится к сфере когниции (осознанности), а другой – непосредственной переживаемости.

Рематическая часть предложения может расщепляться на подремы с контекстуально идентичной информативной значимостью:

Десять дней постоянных разговоров, душевных мук, неуверенности, обвинений, претензий, уговоров, издевок, смирения, цинизма, страха, крика, долгого невыносимого глухого молчания, истерик, вопросов без ответов, ответов без вопросов, внезапных прощений, новых обвинений, плача, смеха сквозь слезы, сжатых кулаков, бессилия, уходов с хлопаньем дверью и возвращений, упадка духа, эйфории, но прежде всего и главным образом – его усиленного поиска любых зацепок, позволяющих не расстаться с надеждой. <...> Весь этот водоворот противоположных эмоций, унижающих друг друга жестов, нелогичного поведения, противоречивых сигналов, где каждый последующий сигнал опровергал информацию предыдущего, был скорее средневековым орудием истязаний, чем попыткой выбраться из темного и холодного колодца (Я. Вишневский).

В представленном выше примере целое в виде кластера поливалентных эмоциональных переживаний организуется в формально линейную единицу, для которого не имеется системного и предзаданного нормой обозначения. Говорящий способен лишь частично дать когнитивную (рациональную) оценку своему эмоциональному переживанию, которое он конкретизирует с помощью номинаций эмоциональных состояний, синхронных моменту речепорождения.

Понятие смешанных эмоций представляется когнитивной доминантой, от которой конструируется и структурируется языковое сознание относительно области категоризации эмоций. За когнитивную точку отсчета следует принимать понятие смешанных эмоций, от которой формируется последующий смысл знания и представления человека о сфере эмоциональных переживаний [Болдырев, 2008, с. 39].

Интересным является также вопрос о ситуативной доминанте смешанных эмоций. В своем учении о доминанте А. А. Ухтомский писал, что на процесс создания доминанты как рабочего

принципа нервной системы влияет накопление возбуждения в определенной группе центров [Ухтомский, 2002, с. 48], что приводит к неравновесности нервной системы. Как следствие, конец доминанты представляет собой разрешающий акт, при котором порожденный доминантой цепной рефлекс дойдет до разрешения. В аспекте смешанных эмоций, представляющих собой способ выражения эмоционального переживания, доминанта выступает не одним (или несколькими) из названных эмоциональных состояний смешанных эмоций (к примеру, доминанта смешанной эмоции «любовь и **ненависть**» – ненависть), а собственно полученное смешанное эмоциональное переживание. Значимым для говорящего является не указание на доминирующее в смешанном переживании эмоциональное состояние, а неопределенный (смешанный) характер этого переживания. Как было отмечено ранее, один из компонентов смешанного эмоционального переживания является осознанным, а другой (дополнительный) – непосредственно переживаемым. Факультативный компонент осознанной (когнитивной) эмоции конкретизирует первый и смещает его на условной шкале отрицательных-положительных эмоций в иную плоскость – пространство неопределенной эмотивности.

Нами был проведен опрос респондентов, касающийся представления носителей языка о сущности и специфике феномена смешанных эмоций. Результаты опроса показали, что большая часть опрошенных (более 80 %) под смешанными эмоциями понимает объединение в рамки словосочетания номинаций противоположных эмоциональных переживаний (к примеру, любовь и ненависть, радость и печаль).

На вопрос о том, какая вторичная номинация эмоционального переживания может быть добавлена к названной (первичной), респонденты дали следующие ответы: эмоция радости сочетается с эмоциями печали или горечи, эмоция отвращения с эмоцией изумления или удивления, эмоция страха с эмоцией восхищения. Интересно, что в последних двух случаях образуется сложное эмоциональное переживание с неопределенной доминантой, когда отвращение или страх задают устойчивую отрицательную эмоционально-оценочную составляющую, но при этом данная коннотация погашается или нейтрализуется субъективной притягательностью объекта наблюдения (сочетание с эмоциями удивления или восхищения).

Преимущественно ответы респондентов пока-

зали, что на уровне плана выражения в постпозиции располагается номинация отрицательно-оценочных эмоций: смешанная эмоция радости и ужаса, любви и ненависти, удивления и страха. Также респондентам был задан вопрос относительно общей эмоциональной тональности (эмоциональной доминанты) смешанных эмоций страха и радости, удивления и отвращения, радости и отвращения, печали и радости, радости и ужаса, отчаяния и радости, отвращения и восхищения. Результаты опроса частично подтвердили выдвинутое нами предположение о том, что формальная структура образования и выражения смешанной эмоции отражает прагматическую характеристику данного эмоционального переживания, когда эмоциональную доминанту задает второй элемент (постпозиция) смешанной эмоции, а первый элемент представляет собой когнитивно воспринимаемый, а, значит, непосредственно не переживаемый эмоциональный фон. Поэтому в смешанных эмоциях страха и **радости**, печали и **радости** эмоциональная доминанта респондентами определена как положительная (64 %). Формально подобный высказанному выше аргумент может объяснять определение респондентами отрицательной доминанты таких смешанных эмоций, как удивление и **отвращение**, радость и **отвращение**, радость и **ужас** (78 %), т.е. в постпозиции располагается номинация отрицательной эмоции, что обуславливает отрицательную доминанту сложной смешанной эмоции. Однако как преимущественно отрицательную респонденты определили эмоциональную доминанту следующих сложных смешанных эмоций: отчаяние и радость (отрицательная доминанта – 66 %), отвращение и восхищение (отрицательная доминанта – 76 %):

Результаты опроса показывают, что помимо структурного критерия определения эмоциональной доминанты той или иной смешанной эмоции необходимо учитывать содержательный уровень организации данного сложного эмоционального переживания. Так, эмоции отчаяния и отвращения сравнительно интенсивнее (активнее) радости и восхищения:

ОТЧАЯНИЕ – состояние *крайней* безнадежности, безвыходности.

ОТВРАЩЕНИЕ – *крайне* неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-л.; *Сильное* чувство неприязни, соединенное с брезгливостью; омерзение.

РАДОСТЬ – чувство удовольствия, ощущение *большого* душевного удовлетворения.

ВОСХИЩЕНИЕ – *высшая степень* удовлетворения, удовольствия от чего-л.; восторг.

При дефиниции отчаяния и отвращения используются усилительные прилагательные и наречия (*крайне, крайняя, сильное*). Отвращение в своем словарном определении совмещает неприязнь и брезгливость. Следует также отметить, что среди смысловых компонентов радости и восхищения присутствуют интенсемы '*большой*', '*высший*'. Однако наряду с универсальной дихотомией положительных и отрицательных эмоций в эмотивной лингвистике и психологии существует положение о том, что отрицательных номинаций сравнительно больше положительных, когда язык подробно и детально, в первую очередь, категоризует те элементы объективной и субъективной действительности, которые обладают отрицательной оценкой [Симонов, 1981; Шаховский, 2008, 2019(а), 2019(б); Палкин, 2002; Муллагаянова, 2010 и др.]. Ф. Гиренок указывает, что всякое чувство амбивалентно, когда монотонное повторение одного и того же убивает чувство [Гиренок, 2012, с. 56]. Как следствие, интенсивная отрицательная эмоция оживляет известное эмоциональное переживание, активизирует его и задает эмоциональную тональность целой смешанной эмоции вне зависимости от формального расположения конститутивных элементов.

Как писал Г. Гийом, современная наука характеризуется редуccionистским взглядом на языковые явления, когда основное внимание фокусируется на «чрезмерном углублении в сторону наблюдения физических средств экстерииоризации языка» [Гийом, 1992, с. 73]. Значимым же является не только формальная сторона выражения, но и содержание, т.е. причина и цель происходящих языковых процессов. Другими словами, в ходе наблюдения за языковыми процессами нужно как наблюдать переход от ментального к физическому, так и анализировать скрытые (интериоризованные) ментальные процессы, сопровождающие экстерииоризацию. Выбранный для данной работы эпиграф отражает, на наш взгляд, природу и характер смешанных эмоций, поскольку они одновременно определяют и обозначают собой принципиально новый в силу своей формальной выраженности этап на пути языковой категоризации эмоций. Экспликация смешанных эмоций позволяет непосредственно наблюдать за внутренними, скрытыми процессами эмоционально-смысловых приращений и модуляций семантики слов, когда сущностные особенности эмоций по-

лучают свое физическое отражение на уровне плана выражения.

Библиографический список

1. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37–44.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва : Изд-ая группа «Прогресс», 1992. 190 с.
3. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. Москва : Академический проект, 2012. 237 с.
4. Князева Е. Н. Когнитивная сложность // Филология науки. 2013. № 1. С. 81–94.
5. Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 4-е, стер. Москва : ЛЕНАНД, 2018. 176 с.
6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
7. Муллагаянова Г. С. Экспликация эмоционального состояния говорящего в момент речевого общения. Тобольск, 2010. 24 с.
8. Палкин А. Д. Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности. Москва, 2002. 24 с.
9. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб: «Алетейя», 2007. 521 с.
10. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. Москва : Наука, 1981. 216 с.
11. Ухтомский А. А. Доминанта. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 448 с.
12. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
13. Шаховский В. И. (а) Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37.
14. Шаховский В. И. (б) Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.
15. Morin E. Introduction à la pensée complexe. Paris, 2005. 158 p.

Reference List

1. Boldyrev N. N. Dominantnyj princip organizacii jazykovogo soznaniya = Dominant principle of language

consciousness organization // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2019. № 37. S. 37–44.

2. Gijom G. Principy teoreticheskoj lingvistiki = Theoretical Linguistics principles Moskva : Izd-aja gruppa «Progress», 1992. 190 s.

3. Girenok F. Absurd i rech'. Antropologija voobrazhaemogo = Absurd and speech . Antropology of imaginable Moskva : Akademicheskij proekt, 2012. 237 s.

4. Knjazeva E. N. Kognitivnaja slozhnost' = Cognitive complexity // Filosofija nauki. 2013. № 1. S. 81–94.

5. Krylova O. A. Kommunikativnyj sintaksis russkogo jazyka. Izd. 4-e, ster. = Communicative syntax of the Russian language. Moskva : LENAND, 2018. 176 s.

6. Maturana U., Varela F. Drevo poznanija = The tree of knowledge. Moskva : Progress-Tradicija, 2001. 224 s.

7. Mullagajanova G. S. Jeksplikacija jemocional'nogo sostojanija govorjashhego v moment rechevogo obshhenija = Explication of the emotional state of a speaker at the moment of speech communication. Tobol'sk, 2010. 24 s.

8. Palkin A. D. Leksiko-morfologicheskie sredstva vyrazhenija jemocij v ontogeneze rechevoj dejatel'nosti = Lexico-morphological means of emotions expression in ontogenesis of speech activity. Moskva, 2002. 24 s.

9. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii) = About human history (problems of paleopsychology). Sankt-Peterburg : «Aletejja», 2007. 521 s.

10. Simonov P. V. Jemocional'nyj mozg = Emotional brain. Moskva : Nauka, 1981. 216 s.

11. Uhtomskij A. A. Dominanta = Dominant. Sankt-Peterburg : Piter, 2002. 448 s.

12. Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. = Categorization of emotions in lexico-semantic system of the language. Moskva : Izd-vo LKI, 2008. 208 s.

13. Shahovskij V.I. (a) Obosnovanie lingvisticheskoj teorii jemocij = Justification of linguistic emotions theory // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 1 (39). S. 22–37.

14. Shahovskij V.I. (b) Jemocional'naja kartina mira v verbal'noj prezentacii = Emotional picture of the world in verbal presentation // Mir russkogo slova. 2019. № 1. S. 35–43.

15. Morin E. Introduction à la pensée complexe. Paris, 2005. 158 p.